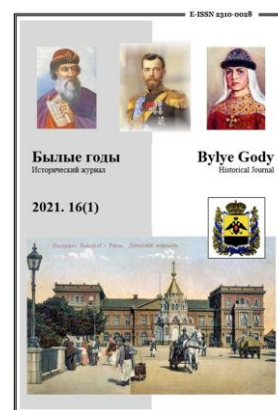

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(1): 200-209.
 DOI: 10.13187/bg.2021.1.200
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Liberal Socialism in Russia: Genealogy of the Idea (Herzen and Mikhailovsky)

Vladimir V. Blokhin ^{a,*}

^a Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), Russian Federation

Abstract

In this article, V.V. Blokhin analyzes the worldview of Alexander Herzen and Nikolai Mikhailovsky, their projects for the social reconstruction of post-reform Russia in the second half of the 19th century. Scientific interest in the theorists of populism is caused by the similarity of their socio-political concepts, which are based on the ideas of liberal socialism. In modern Russian historiography, interest in the typology of trends in democratic thought is growing from year to year. In modern Russian historiography, interest in the typology of trends in democratic thought is growing from year to year. Modern researchers give priority attention to reformatory socialism, in which the right and left, conservative trends are distinguished.

The author believes that Herzen and Mikhailovsky expressed an unorthodox liberal-socialist trend in populism. Based on scientific journalism and memoirs, the author compares the socio-political views of Herzen and Mikhailovsky. The common foundations for theorists of liberal socialism are personalism, the idea of personality as the goal and meaning of progress. If Herzen formulated his doctrine of personality, relying on the philosophy of Hegel and the teachings of Saint-Simon, then Mikhailovsky – on the ideas of Proudhon. The philosophy of the Enlightenment with faith in man and a rational social structure became the theoretical prerequisite for the social theory of the populists.

Being people of a critical and free mind, both Herzen and Mikhailovsky viewed progress as a contradictory and unfinished process of gradual changes in society. They were decisive opponents of violence in history, believing that the state as a historical institution had not yet outlived its usefulness, and therefore believed in the reform potential of the autocratic power. The reformism of Herzen and Mikhailovsky was based both on the conservatism of the peasantry, who did not want to follow the revolutionaries, and on the unpreparedness of young people for revolutionary activity, their ignorance of the people. The idea of the intrinsic value of an individual and his freedom, of the priority of social reform over the revolution, of the struggle for political freedoms are the constituent components of liberal socialism, to which both Herzen and Mikhailovsky belonged.

Keywords: populism, socialism, liberalism, social reform, philistinism, reformism, liberal socialism, capitalism, autocracy, personality.

1. Введение

Выбор пути социальной реконструкции России в пореформенную эпоху стал важной политической проблемой, обусловленной проведением либеральных реформ 1860-х – 1870-х гг. Результаты правительственных преобразований, осуществляемая модернизация страны, становление капитализма – все это обнажило глубокие общественные противоречия, вызвав острую дискуссию о будущем страны. Демократическая мысль не давала единых рецептов переустройства общества, не будучи к тому же доктринально-единым идейным комплексом. В народническом учении причудливо сочетались революционные идеи с моделями реформаторского демократизма. Целью данной статьи является определение особенностей социализма Герцена и Михайловского, поиск типологического единства между идейными системами двух ярких представителей народничества.

* Corresponding author

E-mail addresses: blokhin_vv@pfur.ru (V.V. Blokhin)

Эвристической гипотезой исследования является тезис, что философско-социальные и политические идеи обоих теоретиков народничества могут быть отнесены к доктрине либерального социализма. По нашему убеждению, доктрина либерального социализма основывается на ряде фундаментальных идей, отличающих его от революционного, ортодоксального социализма (народничества) в России и составляют отдельную линию развития социалистической демократической мысли. По нашему мнению, в доктрине либерального социализма теоретически увязываются базовые идеи либерализма о свободе человека с идеями социальной справедливости.

2. Материалы и методы

Источниковой базой исследования является научная и общественная публицистика А.И. Герцена и Н.К. Михайловского, поскольку в ней отражены ключевые положения сравниваемых социальных доктрин мыслителей. В работе представлены мемуары современников П.В. Анненкова, П.Д. Боборыкина, А.И. Иванчина-Писарева, позволяющие восстановить культурно-психологический контекст времени.

Методология исследования опирается на сравнительный анализ, позволяющий выявить общее и особенное в концепциях обоих мыслителей. Критериями сравнения социалистических доктрин мыслителей являются учение о личности, факторах прогресса, методах и средствах переустройства общества.

3. Обсуждение

Многоаспектность и инвариантность народнической доктрины в пореформенной России объясняет и характер историографического дискурса. Генеральным направлением советского народниковедения являлось изучение революционного течения в демократическом движении России. С отказом от прежних советских идеологических приоритетов в 1990-х гг. исследовательские акценты заметно сместились к изучению реформаторского направления, к которому не без основания причисляли народников 1880-х гг., таких как В.П. Воронцов, И.И. Каблиц, Н.Ф. Даниельсон, Н.К. Михайловский, автор теории «малых дел» Я.В. Абрамов. В дальнейшем в реформаторском народничестве были определены концепции «правого и левого», «почвенного» и «консервативного» народничества, позволившие выявить оттенки демократической мысли (Зверев, 2019: 284). В работах Г.Н. Мокшина получило теоретическое обоснование исследование легального народничества (Мокшин, 2005).

Новым направлением современных исследований стало рассмотрение демократической мысли России во взаимодействии с леволиберальным течением общественной мысли (Арсланов, 2011: 5-22), что позволило изучить «пограничные», народническо-либеральные взгляды российской интеллигенции, отличавшиеся значительными теоретическими «вкраплениями» народнического демократизма.

Вместе с тем многие теоретические вопросы народничества до конца еще не ясны. В первую очередь это касается зарождения и трансформации народническо-демократической идеи, ее соединения с общественной практикой. В конечном счете важно выявить, сводимо ли народничество только лишь к общинно-коллективистской и революционной концепции или оно имеет точки соприкосновения с другими, в том числе либеральным течением. В этой связи обращение к наследию двух выдающихся теоретиков народничества – Александра Герцена и Николая Михайловского, в идейном творчестве которых нетрудно проследить неортодоксальные, нетипичные элементы народнической доктрины, более чем оправдано. Так, в начале XX века известный эсеровский исследователь народничества Р.В. Иванов-Разумник причислил обоих теоретиков к так называемому «критическому народничеству», особому направлению в русском социализме. В рамках своей теории Иванов-Разумник проследил прямую связь между «антимещанством» Герцена и «индивидуализмом» Н.К. Михайловского (Иванов-Разумник, 1997: 284). Вместе с тем категории «антимещанство» А.И. Герцена и «социологический индивидуализм» Н.К. Михайловского отнюдь не являются явлениями одного порядка, к тому же время их формирования пришлось на разные этапы развития отечественного демократизма. Если появление «антимещанства» как философско-эстетической категории пришлось на рубеж 1840-х – 1850-х гг., то индивидуалистическая система Н.К. Михайловского получила обоснование в середине 1870-х гг.

4. Результаты

Важнейшим ключевым пунктом народнической философии и социологии является идея личности как высшей цели общественного прогресса. Эта идея, очевидно, сближает как либеральную, так и социалистическую мысль. И то и другое идейное течение общественной мысли имеет своим источником философию Просвещения, центральной темой которой являлся человек. Благо человека в философии Просвещения становится определяющей темой не только размышлений об обществе, но и побудительным мотивом для изменения исторической действительности.

В этой связи любопытны истоки герценовского персонализма. Г. Шпет, исследовавший философские взгляды Герцена, точно подметил, что «Личность – огненный центр» как

философского, так и практического мировоззрения Герцена, в котором переплавляется вся действительность, вливается в драгоценную «форму разумности» (Шпет, 1921: 24).

Идея личности была воспринята Герценом из философии Гегеля, ставшей неким интеллектуальным ферментом для формирования социалистической доктрины. Очевидно, что распространение гегелевской философии в Европе вызывалось пробуждением национального самосознания европейских народов, охватившим многие страны (Веселовский, 1896: 223). Растущее национальное самосознание охватило различные сферы – народную жизнь, фольклор, древние предания... Гегелевская философия повлияла на общественное сознание и России, явившись тем «духовным центром, из которого расходятся дальнейшие пути русской культуры, один из которых приводит к православному славянофильству, а другой (через Бакунина–Герцена–Маркса–Энгельса–Ленина) – к русскому коммунизму» (Сумин, 2005: 75).

Гегелизм был воспринят в России в первую очередь в форме «философской разумности» (Сумин, 2005: 62-63). Видимо, не случайно обаяние гегелевской философии оказалось столь захватывающим делом для людей 1830-х – 40-х гг., что «человек, не знакомый с Гегелем, считался почти что несуществующим человеком...», – вспоминал Анненков (Анненков, 1983: 142).

Вместе с тем интерпретация гегелевской философии приводила к неожиданным результатам. «Первый народник» А.И. Герцен был совершенно безразличен к философии Гегеля в прямом смысле... Герцену нужны были не философские принципы, а именно мировоззрение» (Шпет, 1921: 13).

Помимо Гегеля, на мировосприятие Герцена оказал сильное влияние еще один идейный источник – социальная концепция Сен-Симона. В сенсимонизме обосновывалось важное право человека бороться за условия жизни, за свое достоинство. «Сенсимонизм утверждал... права индивидуальности как силы, побуждающей человека отстаивать свое место среди других людей...» (Шпет, 1921: 24).

Усвоение философского опыта неуклонно вело Герцена к формулированию «философии действия», т.е. знания, способного изменить жизнь к лучшему. По существу, он стоял у истоков российского идейного утилитаризма. «В сочинениях же Герцена 40-х годов философия занимает место ближайшей отправной теоретической посылки для практического действия и социалистического идеала» (Володин, 1970: 145).

Отстаивание прав личности и человеческого достоинства обрело у Герцена историософскую перспективу и было осмыслено в качестве цели истории. «История превращается в продукт и процесс сознательной деятельности людей. Отныне люди будут руководить становлением истории по законам разума, поскольку они раскрылись им в гегелевской философии» (Володин, 1970: 150).

В трактовке природы человека Герцен поднялся до понимания императивности гармоничного развития личности, провозглашая, что «жизнь полная выше гениальной односторонности». Для мыслителя этот тезис являлся сознательной и продуманной формулой, вытекавшей из основ всего его мировоззрения. «Гениально односторонняя жизнь, гениальная в литературном, научном или ином творчестве, сплошь и рядом оказывается пустой и ничтожной в жизни личной и повседневной» (Шпет, 1921: 33).

Так, Герцен, осмысливая историю человечества, приходил к убеждению о противоречивости прогресса, идеи, весьма популярной среди социалистов того времени.

Схожие персоналистические идеалы были характерны и для Николая Константиновича Михайловского, идеолога народничества 1870-х – 1880-х гг. Очевидно, что его мысль также движется в русле философии Просвещения с ее бесконечной верой в устройство жизни на принципах разумности (Барг, 1990: 238).

В центре внимания Михайловского, как и Герцена, – проблема человека в обществе и истории. Личность он понимал как биосоциальное существо, наделенное могущественной нравственной силой. В отличие от Герцена Михайловский пытался объяснить развитие процессов в обществе, опираясь на результаты социологии, в частности на теорию «разделения труда».

Как и Герцен, свой персонализм Михайловский обосновывал историософски, будучи глубоко убежденным во всемогущей науке как средства освобождения человечества. По его убеждению, наука должна встать на точку зрения личности, «человека вообще», в решении практических нужд. Вслед за Ж.Ж. Руссо он повторял фразу о том, что «у нас есть ученые, но нет граждан». Подобно Герцену, искавшему действенного практического мировоззрения, Михайловский отрицал принцип «чистой науки», оторванной от жизни. Цели соединения практики и теории воедино служила оригинальная идея мыслителя о «двух правдах» – «правды истины и правды справедливости». Если поиск «правды-истины» удовлетворял потребность в решении фундаментальных теоретических аспектов бытия, то «правда-справедливость» ориентировала ученого на поиск конкретных и практических путей изменения действительности и преодоления неразумности жизни (Федотова, 1990: 202-203). Логично предположить, что преодоление дихотомии теории и практики, точнее их искусственного разрыва и противопоставления, было обусловлено российской реальностью, поиском теоретического инструментария изменения российской действительности (Михайловский, 1897: 616).

С этой точки зрения интеллектуальные интенции обоих мыслителей были созвучны, идейно пересекались: оба искали не отвлеченной теории, а действенного мировоззрения.

Рассматривая историю как науку о будущем, о формах желаемой организации общества, и Герцен, и Михайловский задавались вопросом о дисгармоничности жизни и истории. Герцен вводит в свою социально-философскую теорию термин «мещанство». Господство европейского мещанства он рассматривал как «признак культурной стагнации, «потухания идеалов», «стирания личностей», всеобщего линянья» (Гревцова, 2002: 53).

В «Западных арабесках» он емко выразил сам дух европейского мещанства. «Вся нравственность свелась на то, что неимущий должен всеми средствами приобретать, а имущий – хранить и увеличивать свою собственность; флаг, который поднимает на рынке для открытия торга, стал хоругвью нового общества» (Герцен, 1986: 266).

Трудно не согласиться с мнением Е. Гревцовой, что у Герцена мещанство не только внесословно и внепартийно, но и сословно, распространяется на все социальные слои (Гревцова, 2002: 54). Весьма показательным, что в этом пункте критики западной культуры сходились и социалисты, и консерваторы. «Русская религиозная общественная мысль критически относилась к эвдемонистическим устремлениям западной цивилизации», – отмечает А.Л. Семенова (Семенова, 2009: 65). Для консерваторов И. Аксакова, К. Леонтьева это состояние культуры было определено как «пошлость». Таким образом, и у Герцена, и философов «русской идеи» речь шла о духовном оскудении человека, об истончении его духовных сил, о погоне за мелкими и второстепенными ценностями.

Этому вопросу о дегуманизации Михайловский также придавал историософский смысл. Он расценивал этот процесс как нарушение целостности личности, однобокое развитие одних качеств человека вопреки другим. В отличие от Герцена, который определял мещанство в категориях духовных и эстетических, Михайловский сводил дегуманизацию к социальному отчуждению, вызванному общественным разделением труда, при котором человек становится «пальцем от ноги», функцией общественного организма. В рецензии на сочинения Спенсера (1866 г.) он доказывал тезис о противоположности общественного и индивидуального прогресса. Он не соглашался со Спенсером, что человек в его системе всего лишь необходимый, нравственно-индифферентный, бездушный элемент, орган социального тела, его средство (Михайловский, 1913: 717).

С этой точки зрения весьма любопытна оригинальная теория социальных типажей – «практических и идеальных типов».

Тип практический – конформистская личность, которая приспосабливается к условиям жизни, встраивается в существующий порядок вещей, признает господство факта. Выражаясь терминологией Э. Фромма, является носителем «модуса обладания». К типу идеальному относятся те, кто меняет среду вопреки объективному ходу социальной эволюции, для них характерен «модус бытия», восприятие жизни во всех ее многообразных проявлениях (Михайловский, 1911: 301-302).

Такое понимание типологии личности приводило к убеждению, что «идеальный тип» – это социально-психологическая модель интеллигента-нонконформиста, борца с системой. Таким образом, теория «практических и идеальных типов» Михайловского приобретала вполне конкретное социально-политическое содержание. «Идеальный тип» – это противник мещанства с его узкими и приземленными идеалами.

Герцен в отличие от Михайловского принадлежал к другой эпохе, его оценки интеллигенции не столь оптимистичны. В противоположность Михайловскому «...интеллигенция, по Герцену, не только не противостоит мещанству, но и во многом помогает усилению его господства, поскольку выполняет мещанские заказы, потакает его вкусам, даже предвосхищает и формирует их» (Гревцова, 2002: 54).

С этой точки зрения, без сомнения, Герцен смотрел иначе, видел неоднозначные культурные процессы современного ему мира. Вместе с тем и Герцен, и Михайловский были едины в понимании дегуманизации личности в ходе исторического процесса, что побуждало их рассматривать исторический процесс как борьбу за условия прогресса личности.

Широта интеллектуального горизонта Герцена уберегла его от прямолинейного, непротиворечивого понимания прогресса, что особенно ощутимо в публицистике конца 1860-х гг. История для Герцена – не линейная механическая схема, не физика, а многофакторный и трудноуловимый процесс. «В мире исторического развития это не так просто» (Герцен, 1960b: 578). Такое понимание природы прогресса соответствует идее постепенности и эволюции социальных форм.

«Собственность, семья, церковь, государство были огромными воспитательными формами человеческого освобождения и развития – мы выходим из них по миновании надобности. Обрушивать ответственность за былое и современное на последних представителей «прежней правды», делающейся «настоящей неправдой», так же нелепо, как было нелепо и несправедливо казнить французских маркизов за то, что они не якобинцы... Социальному перевороту ничего не нужно, кроме понимания и силы, знания – и средств», – писал Герцен в «Письме к старому товарищу» М.А. Бакунину (Герцен, 1960b: 580). Позже он еще отчетливее высказал мысль о постепенности. «Всякая попытка обойти, перескочить сразу – от нетерпенья, увлечь авторитетом или страстью – приведет к страшнейшим столкновениям и, что хуже, к почти неминуемым поражениям» (Герцен, 1960b: 580). По этой причине для Герцена неприемлемо было насилие, идея которого была популярна в революционной среде. «Насильем можно разрушать и расчищать место – не больше. <...> Террор так же мало уничтожает предрассудки, как завоевания – народности» (Герцен, 1960b: 578).

В этом отношении вывод Герцена шел вразрез с революционной практикой. 4 апреля 1866 году Дмитрий Каракозов выстрелил в Александра II. Причем применение террора мыслилось его исполнителями как средство ускорения исторического развития, подстегивания ее темпа. По этой причине осуждение терроризма не могло не вызвать неприятия со стороны радикальных кругов. Этот вопрос об отношениях Герцена с представителями молодой генерации революционеров обстоятельно освещен Б.П. Козьминым. Радикалы нападали на «либеральные иллюзии Герцена и указывали на его колебания в сторону либерализма» (Козьмин, 1941: 29). Особенно непримиримым был А.А. Серно-Соловьевич, заявивший в своем листке: «Я протестую, чтобы засвидетельствовать, что «Колокол» не является больше знаменем молодой России, что он выражает только личные взгляды господ Герцена и Огарева» (Листовка, 1941: 114). П.Д. Бобрыкин, друг Герцена, очень тонко охарактеризовал социально-культурные различия между новым «кружковым поколением» революционеров и Герценом. Бобрыкин пишет о нем как о человеке, «который уже потерял обаяние на читающую массу своей родины», но притом оставался на недосягаемой высоте своей мысли. «В нем и тогда чувствовался все более и общечеловек, и европеец, который сам пережил и перестрадал все «проклятые» вопросы XIX века (Бобрыкин, 2003: 557-558).

Если Козьмин полагал, что Герцен, будучи представителем дворянского этапа революционного движения, и «колебался в сторону либерализма», то Н.М. Пирумова объясняла позицию Герцена его политическим реализмом. «Позиция Герцена, хотя и утопическая по своей сути, отвечала реальному соотношению классовых сил» (Пирумова, 1989: 222).

Анализ философско-исторической концепции Герцена убеждает, что эти разногласия между Герценом и молодой эмиграцией не были тактическими, а имели принципиальный характер. Спор шел о различном понимании характера прогресса.

Важной и методологически значимой идеей Герцена является мысль о значении внутренней свободы, к которой человечество идет сложным историческим путем. Герцен – противник осуществления формального освобождения, без соответствующих условий: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри. Как ни странно, но опыт показывает, что народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы. В сущности, все формы исторические – *volens-nolens* – ведут от одного освобождения к другому» (Герцен, 1960b: 578).

Такая идея внутреннего духовного прогресса имеет мало общего с позитивистским мировоззрением революционеров, видевших все проблемы в существовании внешних политических форм, поскольку проблема свободы – проблема духовного самоопределения личности. В социалистической мысли этого времени вопрос о внутренней свободе тогда никто не ставил. В этой связи любопытно наблюдение И. Берлина, который считает, что Герцен, как и Милль, «ставит свободу личности в центр своего социально-политического учения... Без нее лишается смысла вся остальная деятельность». Для других свобода – «побочный продукт социально-политического переворота» или «переходная стадия, неизбежная в ходе истории» (Берлин, 2001: 111). Таким образом, для Герцена свобода лица имела субстанциональное, а не инструментальное значение.

Эту черту герценовского свободолобия констатировали даже его идейные оппоненты. Лев Тихомиров писал о значении Герцена для интеллигенции: «Учиться не у него, а на нем можно многому, но – именно не революционерам каких бы то ни было партий, а только тем людям, которые умеют ценить независимость мысли и сами способны к ней, способны взять у автора сильное, отбросить слабое, понять то, чего не успел почувствовать сам он» (Тихомиров, 1912).

Схожее понимание прогресса характерно и для Михайловского. Свою формулу прогресса он сформулировал еще в своем знаменитом трактате «Что такое прогресс?», связав прогресс личности со становлением социально-однородного общества. В последующей работе «Борьба за индивидуальность» Михайловский сформулировал оригинальную философско-историческую концепцию, согласно которой история человечества является нескончаемой борьбой «индивидуальностей», социальных форм, при которой каждая из которых стремится поработить другую. Смысл истории для Михайловского состоит в самоосвобождении человека, в нескончаемой борьбе «индивидуальности», первичной личности за свое достоинство. Прогресс для него не означал конкретного состояния человечества, а являлся некой незавершенной и открытой системой улучшения форм жизни, неким постоянным процессом движения. Именно поэтому Михайловский предпочитал не предсказывать и не давать детализированных описаний конечным состояниям жизни общества, поскольку общественная система, по его убеждениям, управляется разнородными социально-политическими и духовно-нравственными факторами, комбинация которых в зависимости от времени и места может быть непредсказуемой. В 1870-е гг. в статье «Теория Дарвина и общественная наука» Михайловский, восхищаясь величием и благородством идеала всесторонне развитой личности, отмечал, однако, «что все мы обязаны стремиться к нему хотя бы и без надежды осуществить его вполне» (Михайловский, 1911: 286).

Важным социально-политическим следствием социологического приложения теории прогресса к жизни, понимания его и противоречивости становится идея многообразия, инвариантности путей движения к новому обществу, предполагавшему неприятие прямых методов революционного

действия. Видимо, не случайно у Герцена в публицистике 1860-х гг. отчетливо звучит идея социальной реформы, осуществимой сверху.

Безусловно, для него стала важной исторической вехой Великая реформа Царя-освободителя. «Пятилетие, протекшее между смертью Николая и появлением манифеста об освобождении крестьян в марте 1861 года, образует великую эпоху не только в истории России, но и в истории XIX века» (Герцен, 1960а: 75).

В заметке «О выходе «Колокола» на французском языке» (декабрь 1867 г.) он подчеркивает неотвратимость реформ, невозможность их остановить. «Посев сделан, часть работы под землей, другая неуловима по своей повсюдности и рассыпчатости, потому что она лежит в необходимости нового положения, к которому Россия стремится гулом... Из ежедневной газеты они переходят в ежедневную жизнь, из книги – в суд, в земскую управу, в раскладку повинностей, в учет общественного достояния» (Герцен, 1960а: 13).

Герцен отмечал революционный характер перемен. «Самые невозможные вещи осуществляются у нас с невероятной быстротой; перемены, равные по своему значению революциям, совершаются не замеченные Европой» (Герцен, 1960а: 79).

Условием осуществления социалистического идеала он считал решение взаимосвязанного социального и политического вопроса. Будущее социализма он связывал с перспективой демократизации страны, с реализацией идеи республиканизма.

В заметке «Ответ на призыв к русским польского республиканского центра» Герцен восклицал: «Да, граждане, мы республиканцы, и республиканцы последовательные, т.е. социалисты... Республика, не ведущая к социализму, кажется нам абсурдной; промежуточная ступень, которая принимала бы себя за цель, социализм, который пытался бы обойтись без политической свободы, без равенства в правах, быстро выродился бы в авторитарный коммунизм» (Герцен, 1960а: 89). Любопытны последние строки: Герцен противопоставляет социализму с политической свободой авторитарный коммунизм. Резонно встает вопрос, как Герцен представлял осуществление своих республиканских намерений. Конкретную программу у него найти трудно, он ограничивался принципиальной постановкой вопроса о парламенте, «великом соборе» или «Учредительном собрании». «Каково бы ни было первое Учредительное собрание, первый парламент – мы получим свободу слова, обсуждения и законную почву под ногами» (Герцен, 1959: 79).

Герцен, отстаивая идею всесословного собора, полагал, что народная воля должна стать гарантией от реакции, попятного движения правительства. Четырьмя годами раньше, в статье «Письмо к Гарибальди» (1863 г.), он писал, что необходимо «затормозить колеса старой машины» и выяснить желания народа. «Для достижения этого надобно было подвинуть правительство на созвание Собора бессословного, всенародного, без различия вероисповеданий, с предоставлением каждому избирать каждого» (Герцен, 1959: 25).

В «Письмах к старому товарищу», написанных в Ницце за год до своей смерти (1869), Герцен решительно выступает за отказ от революционных методов изменения общества. «Государство не имеет собственного определенного содержания – оно служит одинаково реакции и революции – тому, с чьей стороны сила; это – сочетание колес около общей оси, их удобно направлять туда или сюда – потому что единство движения дано, потому что оно примкнуто к одному центру... крестьян, принадлежит самодержавному царю... Для чего же – думалось ему – ломать мельницу, когда ее жернова могут молотить и нашу муку? На том же самом основании и я не вижу разумной применимости – в отречении» (Герцен, 1960с: 591).

Последняя фраза, очевидно, говорит о пересмотре Герценом отношения к монархии и отказу от идеи отречения царя. Такой взгляд мог сложиться при условии признания прогрессивности деятельности государства.

Решительно пересматривает Герцен и роль идеализированного революционерами народа. Народ – консерватор по инстинкту и потому, что он не знает ничего другого, у него нет идеалов вне существующих условий; его идеал – буржуазное довольство... (Герцен, 1960б: 590). В этих условиях неизбежности исторических форм государства и церкви, консерватизма народа Герцен предъявлял требования к оппозиционному меньшинству, стремящемуся изменить Россию. По его убеждению, ответственность революционера состоит не в том, чтобы провоцировать на неоправданный бунт и революцию, а прислушиваться к народным интересам и мнениям. Народ революционную партию не слышит, а потому нельзя вести народ на революцию, зная о нем книжно и отвлеченно. «Честно мы не можем брать на себя ни роль Аттилы, ни даже роль Антона Петрова. Принимая их, мы должны будем обманывать других или самих себя. За эту ложь нам придется отвечать перед своей совестью и перед судом близких нам по духу... Мы не слышали голоса, призывавшего нас свыше к исполнению судеб, и не слышим подземного голоса снизу, который указывал бы путь» (Герцен, 1960б: 589).

Единственной стратегией социалистов, по убеждению мыслителя, может быть лишь просвещение и наука. «Наша сила – в силе мысли, в силе правды, в силе слова, в исторической попутности...», – подводил итог Герцен (Герцен, 1960в: 589).

Трудно не согласиться с мнением В.Ф. Антонова о том, что Герцен, «так и не взяв в руки топора, а лишь угрожал им в минуты приступов самодержавной реакции и террора. Герцен ушел из жизни

апостолом-пропагандистом и с надеждой на должное исполнение того, что было начато 19 февраля 1861 г., продолжено в 1864–1885 гг. и в чем виделась ему реализация программы его общественного идеала» (Антонов, 2000: 133).

Характеристика Герцена как «апостола-пропагандиста» между тем не позволяет определить его идеологическую принадлежность. И социологические идеи, и политическая программа, рассмотренные выше, дают возможность причислить Герцена к течению либерального социализма.

Схожие идеи высказывал и Михайловский. Еще в начале 1870-х гг., когда капиталистическая эволюция страны не была очевидной, Михайловский надеялся на реализацию реформаторского потенциала власти по развитию и стимулированию народного производства. В своих политических надеждах он опирался на представление о том, что государство в России является надклассовой и неклассовой организацией. Истоки идей о государстве как некоей внеклассовой форме можно найти в наследии французского социалиста реформистского направления Луи Блана. «Луи Блан требовал, как известно, государственного вмешательства в экономическую жизнь страны... Он видел в государстве не организм, состоящий из людей-органов, а орган, функция которого состоит в обеспечении развития и применения человеческих сил и способностей» (Михайловский, 1909а: 72).

С необходимостью государственного вмешательства в социально-экономическую жизнь коррелировалась мысль народника об оказании социальной поддержки мелкому производителю за счет развития народного кредита, обеспечения сбыта сельскохозяйственной продукции, устранения из торгового оборота посредников-спекулянтов. Предполагал Михайловский и активное участие земств и земской организации в улучшении условий аграрного быта. Основой экономического возрождения страны, по убеждению мыслителя, должны стать не акционерные компании, а производительные артели (Михайловский, 1911: 677).

Мыслитель был убежден, что государственное регулирование экономической жизни, учитывающее интересы производителей, является политической целесообразностью, продиктованной потребностью самосохранения власти, поскольку «в недалеком будущем выживет та комбинация общественных и политических сил, которая, в большей или меньшей степени, удовлетворяет массы» (Михайловский, 1909б: 999).

Очевидно, для Михайловского исторически-прогрессивная роль монархии была неисчерпанной, монархия могла служить народу. «Он (монархический принцип – Авт.) может вести народ вперед, остановиться на месте, идти назад, идти в ту или иную сторону» (Михайловский, 1879: 327).

В то же время он, подобно Герцену, ощущал культурную отчужденность социалистической молодежи и народа. В отличие от Герцена, писавшего о консерватизме народа, Михайловский увидел в народной массе даже проявления деструктивной энергии, угрозу самой культуре. В историю российской интеллигенции в качестве пророчества и предупреждения вошли обжигающие строки мыслителя: «У меня на столе стоит бюст Белинского, который мне очень дорог, вот шкаф с книгами, за которыми я провел много ночей. Если в мою комнату вломится русская жизнь со всеми ее бытовыми особенностями и разобьет бюст Белинского и сожжет мои книги, я не покорюсь и людям деревни; я буду драться, если у меня, разумеется, не будут связаны руки. И если бы даже меня осенил дух величайшей кротости и самоотвержения, я все-таки сказал бы: прости им, Боже истинный и справедливый, они не знают, что творят» (Михайловский, 1909а: 692).

Осознание отчужденности интеллигенции от народа, разочарование в революционных возможностях крестьянства побуждали Михайловского бороться за политические свободы, что создавало объективную почву для сближения народника с либералами-реформистами. Это настроение довольно емко передано в воспоминаниях А.И. Иванчина-Писарева, описавшего драму «хождения в народ». На вопрос Иванчина Михайловскому, следует ли продолжать пропаганду среди крестьян, последовал ответ: «По-моему, не следует... Вы работали при самых благоприятных условиях... Я прихожу к выводу, что при современных политических условиях всякая деятельность в пользу крестьян, не отвечающая видам правящих сфер, будет преследоваться и кончатся тюрьмой и ссылкой... Зачем же губить свои силы, когда им можно дать более ценное применение? ...Без «конституции» нельзя обойтись в России, и бояться ее, ввиду возможного развития буржуазии, значит, не понимать политических требований времени. Бросьте ваше паломничество в деревню и займитесь организацией политической борьбы... Давайте вместе работать!» (Иванчин-Писарев, 1914: 103-105).

Эта мысль внесения в народничество идеи политической борьбы крайне важна для понимания природы либерального социализма. Классическое ортодоксальное народничество отрицало борьбу за политические свободы, было аполитичным, концентрировалось на борьбе социальной. В этом вопросе Михайловский совершил решительную переоценку ценностей.

Без сомнения, Михайловский был противником революционного преобразования и это определило его статус общенационального лидера демократического движения России в начале XX века. Он был идейно близок как социалистам, так и либералам.

5. Заключение

Анализ общественно-политических программ А.И. Герцена и Н.К. Михайловского показывает типологическое единство их взглядов и позволяет характеризовать их как либеральный социализм. В центре мировоззрения обоих мыслителей находилась идея личности как высшей ценности. Если Герцен приходил к этой идее из философии Гегеля и теории Сен-Симона, то Михайловский в своей концепции опирался на идеи О. Конта и Прудона. С социалистической концепцией их взгляды объединяла идея целостного и всестороннего развития человека, с либерализмом – идея свободы как базовой характеристики. Не секрет, что для радикального социализма и казарменного коммунизма свобода является средством, а не высшей ценностью человека. В этом вопросе персонализм обоих мыслителей сближал с либерализмом.

Либерально-социалистическое направление мысли обоих мыслителей проявилось и в понимании прогресса. Для Герцена и Михайловского прогресс не имел обязательного, нормативного значения, он скорее выступал в качестве открытой и незавершенной системы, желаемого идеала, путь к которому был тернист и противоречив, а посему предполагал использование различных методов преобразования действительности.

Для сторонников концепции либерального социализма ведущим методом преобразования жизни является социальная реформа, проводимая при определенных условиях верховной властью. Представление об относительной прогрессивности традиционных социальных институтов, царской власти характерно для позднего Герцена конца 1860-х гг. и Н.К. Михайловского середины 1870-х гг. Такая позиция в значительной степени объяснима консерватизмом народа, живущего традиционными ценностями, и бессилием революционного меньшинства, психологически и культурно-оторванного от основной массы населения. По существу, либеральный социализм исходит из идеи отсутствия в России значимого субъекта социальных преобразований, которого еще необходимо воспитать. Единственно возможной силой для реформирования в этих условиях являлось тогда государство. По этой причине либеральные социалисты были убежденными сторонниками политической демократизации и борьбы за политические свободы, в то время как для ортодоксального народничества был характерен аполитизм и приоритет социального освобождения перед политическим.

Указанные особенности либерального народничества семантически роднят его с либерализмом, нацеливая общество на мирные и эволюционные формы изменения России.

Литература

- Анненков, 1983 – Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1983. 350 с.
- Антонов, 2000 – Антонов В.Ф. А.И. Герцен – общественный идеал анархиста. М., 2000. 157 с.
- Арсланов, 2011 – Арсланов Р.А. Становление и эволюция реформаторского демократизма в России конца XIX – начала XX вв. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России»*. 2011. № 2. С. 5-22.
- Барг, 1990 – Барг М. Эпохи и идеи. Становление историзма. М., 1990. 342 с.
- Берлин, 2001 – Берлин И. История свободы. М., 2001. 544 с.
- Боборыкин, 2003 – Боборыкин П.Д. За полвека. Воспоминания. М., 2003. 672 с.
- Веселовский, 1896 – Веселовский А. Западное влияние в новой русской литературе. Историко-сравнительный очерк. М., 1896. 223 с.
- Володин, 1970 – Володин А.И. Герцен. М., 1970. 214 с.
- Герцен, 1960а – Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1960. Т. 20. кн. 1. 494 с.
- Герцен, 1960б – Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1960. Т. 20. кн. 2. 991 с.
- Герцен, 1959 – Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. М., 1959. Т. 18. 752 с.
- Герцен, 1986 – Герцен А.И. Сочинения в двух томах. М., 1986. Т. 2. 320 с.
- Гревцова, 2002 – Гревцова Е.С. Философия культуры А.И. Герцена и К.Н. Леонтьева (Сравнительный анализ). М., 2002. 121 с.
- Зверев, 2019 – Зверев В.В. Опыт политической биографии Г.П. Сазонова М.-СПб., 2019. 431 с.
- Иванчин-Писарев, 1914 – Иванчин-Писарев А.И. Из воспоминаний о Н.К. Михайловском // *Заветы*. 1914. № 1. С. 103-105.
- Иванов-Разумник, 1997 – Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. М., 1997. Т. 2. 284 с.
- Козьмин, 1941 – Козьмин Б.П. Герцен, Огарев и «Молодая эмиграция» // *Литературное наследство*. М., 1941. Т. 41. С. 1-48.
- Листовка, 1941 – Листовка А.А. Серно-Соловьевича против Н.П. Огарева // *Литературное наследство*. М., 1941. Т. 41. С. 111-115.
- Михайловский, 1879 – Михайловский Н.К. Сочинения. СПб., 1879. Т. I. 980 с.
- Михайловский, 1914 – Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1904. Т. VIII. 982 с.
- Михайловский, 1897 – Михайловский Н.К. Сочинения. СПб., 1897. Т. VI. 1048 с.
- Михайловский, 1909а – Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1909. Т. III. 904 с.
- Михайловский, 1909б – Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1909. Т. IV. 1024 с.

- Михайловский, 1911 – Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1911. Т. I. 1011 с.
 Михайловский, 1913 – Михайловский Н.К. Полное собрание сочинений. СПб., 1913. Т. X. 1138 с.
 Мокшин, 2005 – Мокшин Г.Н. Русское легальное народничество 60-90-х гг. XIX века: очерки истории и историографии. Воронеж, 2005. 179 с.
 Пирумова, 1989 – Пирумова Н.М. Александр Герцен – революционер, мыслитель, человек. М., 1989. 253 с.
 Семенова, 2009 – Семенова А.Л. Русская публицистика 1900-х годов: этический аспект критики мещанства // *Вестник Новгородского государственного университета*. 2009. № 52. С. 64-67.
 Сумин, 2005 – Сумин О.Ю. Гегель как судьба России. Краснодар, 2005. 253 с.
 Тихомиров, 1912 – Тихомиров Л.А. Дело жизни Герцена // *Московские ведомости*. 1912. № 72 (29 марта).
 Федотова, 1990 – Федотова В.Г. Истина и правда повседневности // *Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания*. М., 1990. С. 202-203.
 Шпет, 1921 – Шпет Г. Философское мировоззрение Герцена. Петроград. 1921. 441 с.

References

- Annenkov, 1983 – Annenkov, P.V. (1983). Literaturnye vospominaniya [Literary memoirs]. Moskva, 350 p. [in Russian]
 Antonov, 2000 – Antonov, V.F. (2000). A.I. Gertsen Obshchestvennyi ideal anarkhista [A.I. Herzen The social ideal of the anarchist]. Moskva, 157 p. [in Russian]
 Arslanov, 2011 – Arslanov, R.A. (2011). Stanovlenie i ehvolyutsiya reformatorskogo demokratizma v Rossii kontsa XIX – nachala XX v. [Formation and evolution of reformatory democracy in Russia at the end of the XIX beginning of the XX century]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii*. 2: 5-22. [in Russian]
 Barg, 1990 – Barg, M. (1990). Ehpokhi i idei. Stanovlenie istorizma [Epochs and Ideas. Formation of historicism]. Moskva. 342 p. [in Russian]
 Berlin, 2001 – Berlin, I. (2001). Istoriya svobody [The history of freedom]. Moskva. 544 p. [in Russian]
 Boborykin, 2003 – Boborykin, P.D. (2003). Za polveka. Vospominaniya [For half a century. Memories]. Moskva, 672 p. [in Russian]
 Fedotova, 1990 – Fedotova, V.G. (1990). Istina i pravda povsednevnosti [Truth and truth of everyday life]. *Zabluzhdayushchiysya razum? Mnogoobrazie vnenauchnogo znaniya*. Moskva, pp. 202-203. [in Russian]
 Gertsen, 1959 – Gertsen, A.I. (1959). Sobranie Sochinenii v tridsati tomakh [Collected Works in thirty volumes]. Moskva. T. 18. Kn. 1. 752 p. [in Russian]
 Gertsen, 1960a – Gertsen, A.I. (1960). Sobranie Sochinenii v tridsati tomakh [Collected Works in thirty volumes]. Moskva. T. 20. Kn. 1. 494 p. [in Russian]
 Gertsen, 1960b – Gertsen, A.I. (1960). Sobranie Sochinenii v tridsati tomakh [Collected Works in thirty volumes]. Moskva. T.20. Kn. 2. 991 p. [in Russian]
 Gertsen, 1986 – Gertsen, A.I. (1986). Sochineniya v dvukh tomakh [Works in two volumes]. Moskva. T. 2. 320 p. [in Russian]
 Grevtsova, 2002 – Grevtsova, E.S. (2002). Filosofiya kul'tury A.I. Gertsena i K.N. Leont'eva (Sravnitel'nyi analiz) [Philosophy of culture A.I. Herzen and K. N. Leontiev (Comparative analysis)]. Moskva. 121 p. [in Russian]
 Ivanchin-Pisarev, 1914 – Ivanchin-Pisarev, A.I. (1914). Iz vospominanii o N.K. Mikhailovskom [From the memoirs of N.K. Mikhailovsky]. *Zavety*. 1: 103-105. [in Russian]
 Ivanov-Razumnik, 1997 – Ivanov-Razumnik, R.V. (1997). Istoriya russkoi obshchestvennoi mysli [History of Russian social thought]. Moskva. T. 2. 284 p. [in Russian]
 Koz'min, 1941 – Koz'min, B.P. (1941). Gertsen, Ogarev i «Molodaya eh migratsiya» [Herzen, Ogarev and "Young emigration"]. *Literaturnoe nasledstvo*. Moskva. T. 41. Pp. 1-48. [in Russian]
 Listovka, 1941 – Listovka, A.A. (1941). Serno-Solov'evicha protiv N.P. Ogareva [Leaflet A.A. of Serno-Solovievich against N.P. Ogarev]. *Literaturnoe nasledstvo*. Moskva. T. 41. Pp. 111-115. [in Russian]
 Mikhailovskii, 1879 – Mikhailovskii, N.K. (1879). Sochineniya [Collected Works]. Sankt-Peterburg. T. 1. 980 p. [in Russian]
 Mikhailovskii, 1897 – Mikhailovskii, N.K. (1897). Sochineniya [Collected Works]. Sankt-Peterburg. T. VI. 1048 p. [in Russian]
 Mikhailovskii, 1909a – Mikhailovskii, N.K. (1909). Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Sankt-Peterburg. T.III. 904 p. [in Russian]
 Mikhailovskii, 1909b – Mikhailovskii, N.K. (1909). Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Sankt-Peterburg. T. IV. 1024 p. [in Russian]
 Mikhailovskii, 1911 – Mikhailovskii, N.K. (1911). Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Sankt-Peterburg. T. I. 1011 p. [in Russian]
 Mikhailovskii, 1913 – Mikhailovskii, N.K. (1913). Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Sankt-Peterburg. T. X. 1138 p. [in Russian]

- [Mikhailovskii, 1914](#) – *Mikhailovskii, N.K.* (1914). Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Sankt-Peterburg. T. VIII. 982 p. [in Russian]
- [Mokshin, 2005](#) – *Mokshin, G.N.* (2005). Russkoe legal'noe narodnichestvo 60-90-kh gg. XIX veka: ocherki istorii i istoriografii [Russian legal populism of the 60-90s XIX century: essays on history and historiography]. Voronezh, 179 p. [in Russian]
- [Pirumova, 1989](#) – *Pirumova, N.M.* (1989). Aleksandr Gertsen-revolutsioner, myslitel', chelovek [Alexander Herzen-revolutionary, thinker, man]. Moskva, 253 p. [in Russian]
- [Semenova, 2009](#) – *Semenova, A.L.* (2009). Russkaya publitsistika 1900-kh godov: eticheskii aspekt kritiki meshchanstva [Russian journalism of the 1900s: the ethical aspect of criticism of the philistine]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 52: 64-67. [in Russian]
- [Shpet, 1921](#) – *Shpet G.* (1921). Filosofskoe mirovozzrenie Gertsena [Herzen's philosophical worldview]. Petrograd. 441 p. [in Russian]
- [Sumin, 2005](#) – *Sumin, O.Yu.* (2005). Gegel' kak sud'ba Rossii [Hegel as the fate of Russia]. Krasnodar, 253 p. [in Russian]
- [Tikhomirov, 1912](#) – *Tikhomirov, L.A.* (1912). Delo zhizni Gertsena [Herzen's life work]. *Moskovskie vedomosti*. 72 (March 29). [in Russian]
- [Veselovskii, 1896](#) – *Veselovskii, A.* (1896). Zapadnoe vliyanie v novoi russkoi literature. Istoriko-sravnitel'nyi ocherk [Western influence in the new Russian literature. Historical and comparative sketch]. Moskva, 223 p. [in Russian]
- [Volodin, 1970](#) – *Volodin, A.I.* (1970). [Gertsen]. Moskva. 214 p. [in Russian]
- [Zverev, 2019](#) – *Zverev, V.V.* (2019). Opyt politicheskoi biografii G.P. Sazonova [The experience of the political biography of G.P. Sazonova]. Moskva, Sankt-Peterburg. 431 p. [in Russian]

Либеральный социализм в России: генеалогия идеи (Герцен и Михайловский)

Владимир Владимирович Блохин ^{a, *}

^a Российский университет дружбы народов (РУДН), Российская Федерация

Аннотация. В статье автор анализирует мировоззрение Александра Герцена и Николая Михайловского, их проекты социальной реконструкции пореформенной России второй половины XIX века. Научный интерес к теоретикам народничества вызван сходством их социально-политических концепций, в основе которых лежат идеи либерального социализма. В современной российской историографии год от года растет интерес к вопросам типологии течений демократической мысли. Современные исследователи приоритетное внимание отдают реформаторскому социализму, в котором выделяют правое и левое, консервативное направления. Автор считает, что Герцен и Михайловский выражали неортодоксальное либерально-социалистическое течение в народничестве. Опираясь на научную публицистику и мемуары, автор сравнивает общественно-политические взгляды Герцена и Михайловского. Общими основаниями для теоретиков либерального социализма становится персонализм, представление о личности как цели и смысле прогресса. Если Герцен формулировал свое учение о личности, опираясь на философию Гегеля и учение Сен-Симона, то Михайловский – на идеи Прудона. Философия Просвещения с верой в человека и разумное общественное устройство стала теоретической предпосылкой социальной теории народников. Будучи людьми критического и свободного ума, и Герцен, и Михайловский рассматривали прогресс как противоречивый и незавершенный процесс постепенных изменений в обществе. Они выступали решительными противниками насилия в истории, считая, что государство как исторический институт еще себя не изжило, а потому верили в реформаторский потенциал самодержавной власти. Реформизм Герцена и Михайловского обосновывался как консерватизмом крестьянства, не желающего идти вслед за революционерами, так и неготовностью молодежи к революционной деятельности, незнания ими народа. Представление о самоценности личности и ее свободе, о приоритете социальной реформы перед революцией, о борьбе за политические свободы – это составляющие компоненты либерального социализма, к которому принадлежали и Герцен, и Михайловский.

Ключевые слова: народничество, социализм, либерализм, социальная реформа, мещанство, реформаторство, либеральный социализм, капитализм, самодержавие, личность.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: blokhin_vv@pfur.ru (В.В. Блохин)